ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ США

УДК 321.01

В.В. ШИШКОВ

Экспансия, принципиально не признающая границ; притязания быть носителем универсальной идеи свободы и равенства, доходящие до религиозного исступления; амбиции, претендующие на всемирно-историческую исключительность, подкрепленные нарастающей вместе с подвластной территорией мощью; стремление быть арбитром, возвышающимся своим статусом над остальными субъектами политики в решении вопросов по распределению мировых ресурсов и их нескончаемое и неограниченное потребление – все это дает основания рассматривать США в качестве носителя имперской парадигмы.

США как единое и независимое государство образовались в борьбе за самоопределение британских колоний. Сами отцы-основатели нового государства видели в нем империю. А. Гамильтон, обосновывая необходимость единой Конституции США, писал, что «речь идет не более и не менее как о существовании Союза безопасности и благополучия входящих в него частей, о судьбе во многих отношениях самой интересной в мире империи» [12, с. 29]. Т. Джефферсон говорил о США, как об империи разума и добра, лишенной недостатков предшественников, по его мысли, которую необходимо рассматривать в качестве лейтмотива американской имперской политики, победа Американской революции не будет окончательной до тех пор, пока в других странах господствуют монархии и диктатуры [8, с. 21]. Дж. Вашингтон, в «Циркулярном письме» 1783 г., рассматривал США как империю, в основании которой он принимает участие.

Действительно США стали неформальной имперской системой, отличающейся от могущественных держав прошлого, этому способствовали объективные факторы, сопутствующие становлению и росту американского могущества.

Во-первых, США стали первым самостоятельным государством в Новом Свете, за пределами евразийской ойкумены. Геополитически Америка представляет собою остров между берегами гигантской Евразии [6, с. 740]. В силу этого их не затрагивали политические и другие противоречия государств Европы и Азии. Если о России говорят как о периферийной империи, то США в силу географических, политических, геополитических и культурных причин можно рассматривать в качестве запериферийной имперской системы, у которой долгое время не было необходимого опыта участия в политике баланса сил, свойственной по необходимости евразийским державам. Вследствие этих обстоятельств политике США не свойственно видеть ограничители собственной мощи и устанавливать самоограничения.

Во-вторых, в политическом, социальном и культурном аспектах строительство государства и общества осуществлялось заново, без учета предыдущего политического опыта. Основатели США воплощали грандиозный проект политической реализации идей эпохи Просвещения по созданию нового мира. Социально-культурной основой становления американской имперского универсума были переселенцы – колонисты, заселяющие и переделывающие под себя и свои представления Новый Свет. С. Хантингтон пишет о них, как о людях, покинувших свою родину в поисках новой, лучшей доли. Стержневой культурой Америки была и остается культура первопоселенцев, включающая в себя элементы христианской религии, протестантские ценности и мораль, рабочую этику, английский язык, британские традиции права, справедливости, ограничения власти правительства, а также европейскую традицию искусства. На основе этих элементов культуры первопоселенцев сложилось «американское кредо» с его принципами свободы, равенства, ценности отдельной личности, уважения прав граждан, репрезентативного правительства и частной собственности. Это кредо не претерпело до сих пор принципиальных изменений [13, с. 76–77].

Как отмечает В.В. Согрин, на протяжении всей истории США в основе американского общества, политической системы и политической культуры лежал один и тот же социальный архетип, который он определяет как буржуазно-либеральный. Его черты неизменны с XVIII в., это освящаемые им главные общественные, в том

числе и политические, ценности: частная собственность, ее неприкосновенность и неотчуждаемость; суверенитет личности и гражданского общества; конкуренция как детерминанта экономических связей и социальных отношений; договорная форма образования политической власти; правовое государство, разделялись большинством общества и всеми социальными классами и группами [9, с. 358]. Этот архетип и ценности были новы для XVIII в., а для многих народов остаются такими и в начале XXI в., их распространение стало важной составляющей политики США.

Политическая, социальная и культурная новизна американской «неформальной империи» стала фактором, определившим ее претензии и амбиции на исключительное положение среди других политико-территориальных сообществ.

В-третьих, США в своем имперском развитии не испытывали давления со стороны адекватных региональных соперников. С 1814 г., с завершением войны с Британией «второй войны за независимость», и до начала XX в. США не сталкивались с политической конкуренцией со стороны державы, соответствующей им по мощи и по способности к ее применению.

Британия, Франция, Россия, Германия, модернизируясь и набирая мощь, преодолевали противодействие распространению их влияния со стороны патриархальных империй, возникших на заре Нового Времени, в то же время, будучи соперниками, сдерживали друг друга в мирном или вооруженном противостоянии.

На американском континенте не было достойных противников молодой Федерации. США заложили основы своего имперского могущества, сокрушив относительно слабых соперников – индейские племена, Мексику, Испанию, вошли в мировую политику решающим участником Первой мировой войны.

Относительная легкость обретения великодержавного статуса убеждала политическое руководство США и некоторых общественных мыслителей в закономерности американской имперскости.

США стали новой «неформальной империей», созданной в Новом Свете на основе идей эпохи Просвещения и несущей в себе миссию их распространения своей мощью.

Американское мировидение обладает особенностями, по словам А.Д. Богатурова, мотивами, которыми руководствуется американский политический истеблишмент во взаимодействии с внешним миром.

Первая и, возможно, главная черта американского мировидения – уверенность в превосходстве. На идее превосходства зиждется американский патриотизм, неистощимо многообразный, сводимый однако к общему знаменателю: многое в Америке нужно исправить, но это – лучшая страна в мире.

Вторая черта американского мировидения – искренняя, временами слепая и пугающая убежденность в том, что предназначение Соединенных Штатов не только «служить примером миру», но и действенно «помогать» ему прийти в соответствие с американскими представлениями о добре и зле. Для американца типична незамутненная вера в то, что его представления хороши для всех, поскольку отражают превосходство американского опыта и успех благоденствующего общества США.

Третья черта американского мировидения – идея «свободы-демократии» (liberty) имеет в массовом американском сознании несколько менее прочные основания, чем идеи патриотизма и предназначения, которые апеллируют к понятию freedom. На уровне внешнеполитической практики идея «свободы-демократии» легко трансформируется в идею «свободы Америки», которая подразумевает не только право Америки быть свободной, но и ее право свободно действовать.

В результате взаимодействия всех трех свойств американского политического характера формируется четвертая присущая ему черта – упоенность идеей демократизации мира по американскому образцу.

Пятая черта американского мировидения – американоцентризм. При прочтении любого внешнеполитического документа США очевидно: сферой американских интересов в Вашингтоне считают весь мир [1, с. 80–84].

Отметим, что оборотной стороной американоцентризма выступает изоляционизм по-американски особенный. Этот изоляционизм представляет собой комплексный феномен, который не следует понимать как простое стремление отгородиться от остального мира. Американский изоляционизм является обратной стороной американского национализма и американского мессианства. Что их объединяет, так это вера в Америку, как «сияющий город на холме». Изоляционизму присуще воззрение, что США, если у них действительно нет иного выбора нежели вести дела с ненавистными и уступающими им в силе чужаками, должны полностью контроли-

ровать ход вещей, ни при каких обстоятельствах не подчиняться какому-либо иностранному контролю и даже не позволять просто давать себе советы [7, с. 5–6].

Приведенные черты американского мировидения, их особенности указывают на имперский характер идейных основ деятельности американской политической элиты, характеризуют ее имперскую позицию по отношению к субъектам мировой политики.

В силу рассмотренных и перечисленных обстоятельств и особенностей американского мировосприятия имперская доктрина США, складываясь, утверждала принципы исключительности и мессианства, универсализма и интернационализма, амбиции и экспансии, то есть в ней содержались позиции, характерные для империи.

В основе государственного строя США лежат такие политические документы, как: Декларация независимости, Конституция и Билль о правах, Записки Федералиста, по замечанию А. де Токвиля, делающие федеральную власть «в некоторых отношениях более централизованной, чем во многих абсолютистских монархиях той же эпохи» [10, с. 104].

Имперская доктрина США складывалась постепенно и находила выражение в политических документах и сочинениях, реализация положений которых приводила к удовлетворению амбиций и увеличению имперского могущества.

Первым документом такого рода стало заявление президента Дж. Монро, сделанное в послании Конгрессу в 1823 г., известное как «доктрина Монро».

«Доктрина Монро», провозглашенная в 1823 г., запрещала создание европейскими державами новых колоний в Западном полушарии. Едва ли Америка тех лет могла бы противостоять великим европейским державам, но принцип есть принцип: Америка провозглашала «руки прочь» всякому, кто попытался бы приблизиться к окружению растущих Соединенных Штатов. Это отношение к Латинской Америке как к своему заднему двору сохранилось до двадцать первого века [11, с. 21].

США провозглашали свои прерогативы на Американских континентах, что, по сути, было провозглашением имперской исключительности. Мир разделялся на американскую и европейскую системы, в конечном итоге утверждался американский экспансионизм, укрепление и расширение самостоятельных позиций Соединенных Штатов в западном полушарии [4, с. 298, 301].

Вторую группы доктринальных положений образуют статьи Д. О'Салливана, опубликованные в 1845 г., выразившие Manifest Destiny (предназначение судьбы). В них обосновывалась территориальная экспансия США на пространстве от побережья Атлантического океана до побережья Тихого. Идеи Manifest Destiny были созвучны движению по освоению североамериканского фронтира. Эта деятельность по освоению внецивилизационного порубежья создала основу нового образа жизни и мировосприятия, сосредоточенного на преобразовании покоряемых пространств по укоренным религиозно-политическим лекалам. Непосредственными последствиями принятия политическим руководством идеи Manifest Destiny стало определение границы с Канадой, присоединение Техаса и война с Мексикой. Реализация Manifest Destiny превратила США в державу от моря до моря, заложила основы прогресса Америки в видении экспансионизма как сочетания вовлечения и сдерживания [15, p. 3]. Успех раннего американского экспансионизма предопределил становление США – могущественной державы, способной навязать свою волю другим и преобразовывать окружающий мир, как фронтир в соответствии со своими амбициями и представлениями.

Третьей доктриной, определившей развитие имперской политики США, стала идея морской мощи. А.Т. Мэхен опубликовал в 1892 г. свое исследование «Влияние морской силы на историю», в которой доказывал первостепенное значение военного и торгового флота для обретения статуса великой державы, способной отстаивать свои интересы в мире конца XIX в. На примерах европейских войн он доказывал незыблемость постулатов морской силы.

Эти постулаты сводятся к тому, что море воспринимается не в качестве барьера, а пути, обеспечивающего торговое взаимодействие между странами и народами. Господство на этих путях дает решающее преимущество, которое достигается благодаря морской мощи. Морская мощь государства обеспечивает ему свободное пользование морями, и лишает его противника доступа к этим путям. Морская мощь состоит не только в военном и торговом флоте, но и в его развитой наземной инфраструктуре. Целенаправленная политика государства по достижению морского господства обеспечивает ему не только великодержавный статус, но и имперское господство.

Исходя из данных доктринальных положений, американское политическое руководство встало на путь наращивания морской мощи и обретения морского гос-

подства. Взгляды А.Т. Мэхена стали основой «стратегии экспансии», предусматривающей расширение интересов США за пределы американского континента, выход к наиболее перспективным торговым и сырьевым рынкам [8, с. 32]. Идеи А.Т. Мэхена во многом имели руководящий характер при начале и ведении Американо-испанской войны 1898 г. На ее основе «доктрина Монро», с которой новая концепция входила в противоречие, была преобразована в «доктрину Рузвельта», допускающую использование военной силы США в случае, если это потребуют их интересы. Впоследствии морская сила стала основой глобального влияния Америки [14, p. 29–31].

Четвертой доктринальной основой американской имперской политики стала «длинная телеграмма» Дж. Кеннана, отправленная на запрос из Вашингтона о послевоенной советской политике в 1946 г. В переработанном виде этот документ был опубликован в июле 1947-го в журнале Foreign Affairs под заголовком «Истоки советского поведения» (The Sources of Soviet Conduct) [1, с. 80]. В своем сообщении и публикации Дж. Кеннан на основе анализа послевоенной ситуации утверждает «право Соединенных Штатов уверенно проводить политику решительного сдерживания, чтобы противопоставить русским несгибаемую силу в любой точке земного шара, где они попытаются посягнуть на интересы мира и стабильности» [5, с. 50]. Закладывая основы стратегии сдерживания в отношении СССР, Дж. Кеннан обосновывает необходимость для США занять глобальные позиции, выступив в качестве силы, ограничивающей экспансию Советской империи.

По мнению А.И. Уткина, после телеграммы Дж. Кеннана проводники экспансионистской политики получили желанное моральное и интеллектуальное оправдание своей деятельности на годы и десятилетия вперед. Ее положения легли в основу «доктрины Трумэна».

12 марта 1947 г. президент обратился к объединенной сессии конгресса. Выступление получило название «доктрины Трумэна». Глава американского правительства оговаривал перед законодателями право вмешиваться в любые процессы, происходящие в мире, если это вмешательство целесообразно с точки зрения правительства США. Оправдывалась военная помощь тем политическим силам внутри любой страны мира, взгляды и политика которых импонировали Вашингтону. Выступление послужило обоснованием массовой военной помощи проамериканским режимам.

«Доктрина Трумэна» провозглашала, что «политикой Соединенных Штатов должна быть поддержка свободных народов, сопротивляющихся попыткам подчинения вооруженным меньшинствам или внешнему давлению». Этот постулат обеспечивал сохранение глобальной зоны влияния. Создание новых структур, мобилизация военных сил и резкое увеличение экономической помощи, становившейся в то время важнейшим рычагом внешнеполитического воздействия, требовали новых бюджетных расходов [11, с. 22–23, 133, 140–141].

В сообщении Дж. Кеннана содержались идеи, ставшие основой мировой имперской системы США, включающей: экономическую мощь, политические союзы, военные позиции в ключевых регионах мира и идеологию защиты свободного мира. С началом Корейской войны администрация Трумэна и конгресс выделили огромные средства на армию и вооружение, а также на помощь антисоветским силам, пропаганду «западных ценностей» и другие компоненты сдерживания [3, с. 73].

Исходя из идеи сдерживания США, основываясь на своей экономической и финансовой мощи, приобрели основания для реализации своего «предназначения» – амбиций по созданию мировой имперской системы, призванной обеспечить стабильность миропорядка глобальным проецированием военной мощи.

Перечисленные политические идеи содержались в документах различных по своему формальному статусу, среди них есть и официальные заявления («доктрина Монро», «длинная телеграмма» Дж. Кеннана,), исторические исследования (теория Мэхена) и статьи (Manifest Destiny, работа Дж. Кеннана), их объединяет то влияние, которое было оказано на американское общество, его политическое руководство, проводимую им политику. Политика, осуществляемая под влиянием идей, содержащихся в этих сочинениях, последовательно привела к обретению США имперского господства сначала на американских континентах, морского могущества и построению глобальной имперской системы, победившей в холодной войне.

На основе рассмотренных документов политическим руководством США формировались доктринальные основы политики, известные как «доктрина Трумэна», «доктрина Эйзенхаура», «доктрина Кеннеди» и так далее до современности. Положения доктрин, адаптируя политический курс в соответствии с актуальными задачами, оставались неизменными в следовании

рассмотренным принципиальным идеям. Основное их содержание было направлено на необходимость сохранения лидерства США, курса на достижение мировой гегемонии, то есть сохранение американского имперского превосходства.

Впоследствии неоднократно предпринимались попытки привнести в имперскую доктрину США новые элементы в соответствии с необходимостью осознания сохранения выстроенной имперской системы в меняющемся мире. Последними такими попытками стали работа Т. Барнета «Новая карта Пентагона: война и мир в XXI веке» и статья американских военных «США как стезя обетования и маяк надежды», опубликованная под псевдонимом Мистер Y. Но все же, как отмечают Т.В. Бордачёв и Ф.А. Лукьянов, «новый стратегический нарратив» не содержит стратегии, вместо стройной картины получилась рассыпчатая мозаика из произвольно подбираемых элементов различных стратегических подходов – от старых добрых концепций из классической теории международных отношений до новомодных фантазий околополитических беллетристов [2, с. 97].

На рубеже XVIII – XIX вв. США сформировали, исходя из идей эпохи Просвещения, современное федеративное государство, основывающееся на демократических принципах. США стали одним из первых модернизированных государств.

Мировосприятие молодого американского общества, отличающееся мессианством и самоуверенностью, определяло его экспансионистские намерения по отношению к слабозаселенным и неосвоенным просторам североамериканского континента. Новые территории после их заселения переселенцами инкорпорировались в федеративное государство на общих основаниях со старыми штатами.

Доктринальные основы политики США последовательно устанавливали исключительное положение американского государства и его сферу влияния, неприкосновенную для других участников международных отношений (доктрина Монро); обосновывали необходимость экспансионизма и преобразования подчиненных территорий по образцу американской модели (Manifest Destiny); задали направление и основной способ укрепления влияния США и установления господства через морское могущество (теория А.Т. Мэхена); и, наконец, в преддверии холодной войны определили стратегию и основные компоненты имперской гегемонии США – экономическую мощь, союзы, ключевые позиции и идеологию защиты свободного мира («длинная телеграмма» Дж. Кеннана), сохраняющие свою действенность до современности.

Американская имперская гегемония, создававшаяся на основе подавляющей мощи американской экономики, политического влияния и либеральной идеологии, исходя из рассмотренных доктринальных основ, последовательно шла к укреплению своего могущества, шаг за шагом распространяя свои амбиции на окружающий мир. В доктринальных основах политики США нашли последовательное выражение их амбиции, направленные на глобальное распространение экспансии и приобретение исключительного политического статуса, что вместе с универсалистской идейной основой показывает их соответствие имперской парадигме.

1. Богатуров, А.Д. Истоки американского поведения [Текст] / А.Д. Богатуров // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–97.
2. Бордачёв, Т.В. В ожидании мистера Z [Текст] / Т.В. Бордачёв, Ф.А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. 2011. № 3. С. 96–105.
3. Зубок, В. Цена холодной победы [Текст] / В. Зубок // Эксперт. 2011. №1. С. 70–75.
4. История США. В 4-х тт. Т.1. / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983, 688 с.
5. Кеннан Дж. Истоки советского поведения // США – экономика, политика, идеология. 1989. №.12. С. 42–51.
6. Киссинджер Г. Дипломатия. М., Ладомир, 1997. 848 с.
7. Ливен, А. Борьба за душу Америки [Текст] / А. Ливен // Международная политика. 2004. № 5. С. 4–17.
8. Мальков, В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века [Текст] / В.Л. Мальков. М.: Наука, 2004. 604 с.
9. Согрин В.В. Политическая история США. XVII-XX вв. М.: Издательство «Весь Мир», 2001. 400 с.
10. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 560 с.
11. Уткин, А.И. Американская империя [Текст] / А.И. Уткин. М.: Эксмо, 2003. 736 с.
12. Федералист. Политические эссе А.Гамильтона, Дж.Мэдисона и Дж.Джея. М.: Арена, 1993. 319 с.
13. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности [Текст] / С. Хантингтон . М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
14. Globalization and Maritime Power [Text] / Ed. by S.J. Tangredi. Washington DC: National Defense University, 2005. 656 p.
15. Greenberg A.S. Manifest Manhood and the Antebellum American Empire [Text] / A.S. Greenberg. New York: Cambridge University Press, 2005. 344 p.